

КУЛЛО ВЕНДЕ (Таллин)

О РОЛИ ИНТОНАЦИИ В ОПОЗНАВАНИИ ВОПРОСА В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

0. Принято утверждать, что интонация — единственное средство выражения вопросительности в предложениях, не использующих для этой цели лексические и/или грамматические средства. Примем пока это утверждение как верное.

1. Скорее вызывает сомнения нередко встречающееся утверждение о том, что при достаточном наличии лексико-грамматических средств выражения вопроса вопросительная интонация будто бы теряет свое значение и либо становится избыточной, либо нейтрализуется. Дело в том, что неинтонационные средства выражения вопроса часто употребляются и в других коммуникативных типах. Примерами могут служить предложения с вопросительными словами типов «Зачем!», «А как ты думаешь!», «Захочет ли он!» и т. п.

Для получения какого-нибудь количественного показателя роли вопросительных слов был проведен следующий опыт.

1.1. Материал и методика². Четырем группам по 23 студента в письменном виде было дано 36 предложений с разными вопросительными словами и предложено поставить в конце каждого предложения возможные или наиболее вероятные знаки препинания (?!) (две группы), заменить, где это можно, вопросительный знак восклицательным (одна группа) или заменить, где необходимо, восклицательный знак вопросительным (одна группа).

Материалом служили вопросительные предложения из двух романов, которые, казалось, при произнесении их с соответствующей интонацией могут быть либо вопросительными, либо восклицательными (1-й вид). Например: *Mis teiega siis teha?* 'Что же с вами делать?', *Ent mis puutub see minusse?* 'А причем тут я?'. В качестве контрольных для каждой группы включалось несколько (5—17) таких предложений, принадлежность которых к невопросительному коммуникативному типу трудно или невозможно было представить (2-й вид). Например: *Aga kuidas siis minuga on?* 'А как же со мной будет?', *Kus on ometi mu teine king?* 'Где же моя вторая туфля?'. Весь материал состоял из 48 предложений; таким образом, часть предложений встречалась в тест-материале всех групп, а часть реже, иногда даже только в одной группе.

1.2. Результаты. Всего было получено 3307 решений. Предложения 1-го вида определяются как вопросительные лишь в 46% из всех

¹ Настоящее сообщение было прочитано на симпозиуме «Методы экспериментального анализа речи», состоявшемся в Минске в июне 1968 г.

² Подробнее методику и результаты этого опыта см. K. Vende, *Küsisõna ja küsimus*. — КК 1969, стр. 538—544.

случаев. Предложения 2-го вида, где ожидалось 100% решений в пользу вопроса, получили их, однако, лишь 79%.

По данным опыта в целом вероятность того, что предложение с вопросительным словом будет понято как вопросительное, если оно не произносится, равна 0,55. Эта вероятность немного повышается, когда мы вычислим ее по данным опыта в тех группах, где в конце предложения разрешалось ставить два знака, учитывая ответ (?) как $1/2$ решения в пользу вопроса. В таком случае вероятность равна 0,655.

1.3. Выводы. Если бы материал был подобран по принципу случайного выбора, а не по двум противоположным видам, эта вероятность наверняка все равно не превысила бы верхнего предела — 0,79. Таким образом, не реже чем в каждом пятом из вопросов, оформленных при помощи вопросительных слов, этих слов недостаточно для выражения вопросительности: для этого нужны и какие-то иные, стало быть интонационные средства.

Не исключена возможность, что присутствие вопросительной интонации необходимо во всех вопросах. На эту мысль наталкивает, кроме довольно низкой средней вероятности опознавания вопроса без интонации (0,55), следующий факт: только одно предложение из 48 было оценено как чисто вопросительное всеми информантами (46), которым оно предлагалось для решения.

Следовательно, результаты проведенного опыта ставят под сомнение действие принципа замены Пешковского³, по крайней мере в эстонском языке и в таком размахе, который придавался ему его автором и приверженцами.⁴

2. В этом свете возникает вопрос о проверке принципа замены и с другой стороны: достаточно ли интонационных средств для выражения вопроса при отсутствии лексико-грамматических средств. Для проверки был также проведен небольшой эксперимент.

2.1. Материал. На магнитной пленке было записано односложное вопросительное предложение *Tahad?* 'Хочешь?' в произнесении десяти дикторов. Все дикторы произносили его в одинаковом в интонационном отношении контексте (после спонтанного ответа собеседника на определенный вопрос, заданный теми же дикторами) и в одинаковой ситуации (предлагая собеседнику кофе). Правда, изолированный глагол во 2-м лице настоящего времени, должно быть, принадлежит скорее к вопросительному, чем к какому-либо другому типу предложений (опыт, подобный описанному в первой части, подтвердивший бы это, пока не проведен). Но можно предположить, что интонация в *Tahad?* незначительно отличается от интонации в *Tahab?* 'Хочет?', где она, согласно принципу замены, должна нести полную нагрузку вопросительности.

В произнесении трех дикторов предложение было записано дважды; один диктор записывался трижды. Всего получено 15 записей.

2.2. Дикторы. 7 дикторов — студенты Таллинского педагогического института, 3 — сотрудники лаборатории экспериментальной фонетики Института языка и литературы АН ЭССР; 5 дикторов мужского, 5 — женского пола. Возраст дикторов: от 20 до 30 лет. Диалектное

³ А. М. Пешковский, Интонация и грамматика. — Избранные труды, Москва 1959, стр. 177—191.

⁴ В таком же плане, т. е. что интонация не может исчезнуть полностью, о необходимости ограничения принципа Пешковского уже писали: Л. А. Вербницкая, Мелодика побудительного предложения в русском языке. — Вопросы фонетики (= Ученые записки Ленинградского гос. университета, № 325), Ленинград 1964, стр. 109; Н. А. Любимова, Мелодика обособленных приложений в русском языке. — Там же, стр. 119.

происхождение: 5 из Таллина (центра литературного языка), 5 из разных районов Эстонии.

2.3. Методика. Записанные 15 предложений были даны для прослушивания трем группам студентов Таллинского педагогического института, слушавшим лекции по истории музыки. Всего в эксперименте участвовало 45 аудиторов, что даст 675 решений. При решении в пользу вопроса ставился знак +, в обратном случае — знак —; если считалось возможным интерпретировать предложение и как вопрос, и как не вопрос, ставился знак ±; в случае неразборчивости разрешалось ставить 0.

2.4. Результаты.

2.4.1. Сопоставление результатов по дикторам.

Диктор, № записи	Процент положительных ответов				Интервал падения основного тона (в полутонах)	
	1-я группа, 11 человек	2-я группа, 21 человек	3-я группа, 13 человек	Все группы, 45 человек	во всем слове	между пи- ками интен- сивности
MA	82	90	77	84	8	3,5
LV	82	71	77	76	13,5	12
HL I	64	67	92	73	11	10
HL III	64	67	85	71	10	9,5
HL II	64	67	62	64	10,5	7,5
KV I	45	57	77	60	9	6,5
OK	82	71	23	60	8	5,5
EE	45	38	77	51	8,5	4,5
TK II	55	38	46	44	6	4,5
AR II	27	48	54	44	7	3,5
AE	36	33	69	44	-10,5	-7
TK I	27	43	38	38	6	4,5
KV II	27	29	54	36	9	2,5
MV	27	29	38	31	3	2
AR I	27	10	62	29	7	3
Все дикторы	50	50	62	54	7	5

Таблица составлена в убывающем порядке процента положительных ответов аудиторов. Ответы ± не учитывались в таблице, поскольку интонация в таком случае не может быть средством выражения вопроса. Общий процент ответов ± не велик — 11.

2.4.2. Все аудиторские ответы просматривались с точки зрения возможных проявлений влияния диалекта района происхождения дикторов и аудиторов. В случае наличия такого влияния можно было ожидать, что в числе оценок, данных коренными таллинцами-аудиторами таллинцам-дикторам, количество положительных будет больше, чем в случае оценок, данных теми же аудиторами дикторам-неталлинцам, и что ответы лиц с какими-нибудь возможными диалектными влияниями более положительны на произношение дикторов, наиболее близких им по происхождению. Однако такой закономерности обнаружить не удалось. Без точного подсчета можно сказать, что разброс плюсов и минусов по отношению к происхождению информантов имеет явно случайный характер.

2.5. Выводы.

2.5.1. По результатам эксперимента видно, что интонация — недостаточное средство для опознавания вопроса. Даже если не прини-

мать во внимание возможное вспомогательное влияние лексико-грамматических средств выражения вопроса, т. е. то, что изолированный глагол «хотеть» во 2-м лице единственного числа настоящего времени может чаще всего встречаться как вопрос, и признать всю вопросительную силу за интонацией — даже тогда 54-процентная средняя опознаваемость вопроса очень низка. Вероятность опознавания вопроса, равная 0,54, значит, что интонация в естественных условиях речи, т. е. в беседе, как определитель вопросительности высказывания выступает весьма случайно. Очевидно, в беседе вопросительность очень часто выражается средствами, находящимися вне самой вопросительной фразы, а именно речевым контекстом и/или речевой (коммуникативной) ситуацией.

2.5.2. Возвращаясь к первому разделу данной статьи, видим, что средняя опознаваемость вопроса при его как будто полной оформленности только лексико-грамматическими средствами, с одной стороны, и только интонационными средствами, с другой, почти совпадает (55% и 54%). Правда, если бы мы вычислили дисперсию этой величины, в обоих случаях она была бы очень велика (в первом больше, чем во втором). Так как на практике вопрос собеседником почти всегда опознается, здесь все-таки действует какой-то определенный принцип компенсации. Но как показывают оба опыта, принцип Пешковского — взаимная компенсация лексико-грамматических и интонационных средств — недостаточен при описании выражения вопросительности в эстонском языке. В число действующих факторов этого принципа, безусловно, нужно включить речевой контекст и коммуникативную ситуацию.⁵ Распределение ролей последних необходимо выяснить специальными исследованиями.⁶

Итак, нуждаясь, с одной стороны, в ограничении, с другой стороны, принцип Пешковского нуждается в расширении. Возможно даже, что при учете контекста и ситуации ограничение, предложенное Л. А. Вербицкой, окажется ненужным. Вполне вероятно, что вопросительность предложений, использованных в первом опыте, также может выражаться не (только) соответствующей интонацией, а как раз контекстом и/или ситуацией.

2.5.3. Всем этим не отрицается существование в языке характерной интонации вопросительного и других коммуникативных типов предложений. Ее можно найти, только прибегая к предварительному аудиторскому анализу. Наверно, опознаваемость вопросов будет выше, когда диктор читает заданные вопросы изолированно, без собеседника (т. е. без коммуникативной ситуации), с заданием читать их с вопросительной интонацией. Ситуация, подобная использованной в нашем эксперименте, способна в значительной степени уменьшить роль интонации как выразителя вопросительности и тем самым вызвать ее существенное изменение.

⁵ Правда, в указанной работе А. М. Пешковского упомянуто также о значимости контекста (напр., стр. 177) и обстановки (напр., стр. 184), но при формулировке принципа замены эти средства упущены и, очевидно, поэтому другие авторы в дальнейшем обходили их. Что же касается лексических средств, то они у Пешковского подразумеваются, когда он говорит о грамматических.

⁶ Этому, несомненно, способствуют, напр., исследования В. С. Кандинского: Интонация и контекст. — *Argumenta Lectionum, VI Congressus Phoneticius, Praha 1967*, стр. 65; Интонационная структура предложения в контексте (доклад на Совещании по вопросам интонационного анализа речи, которое состоялось в Москве 8—10 февраля 1968 г.).

3. Можно ли по материалу второго эксперимента в какой-нибудь мере судить о характере эстонской вопросительной интонации? Признаться, работа над выяснением акустических параметров интонации эстонского языка находится еще в эмбриональной стадии. Эмпирически известно, что вопросительная интонация также является падающей, как и повествовательная — но это, пожалуй, и все.

В таблице в музыкальных полутонах приведены вычисленные по осциллограммам интервалы падения основного тона предложений, подвергнутых аудиторскому анализу. Падение основного тона начинается в первом слоге и кончается с окончанием слова-предложения. Кроме интервалов на протяжении всего слова, приведены интервалы между пиками интенсивности 1-го и 2-го слогов.

Из таблицы видно, что полагаться на одно только движение основного тона при данном материале нельзя. Не только интервалы, но и рисунки движения основного тона, вычисленные также по осциллограммам, никак не коррелируются с опознаваемостью вопросов. Заметна тенденция к увеличению интервала с повышением опознаваемости вопроса, но единственный случай, когда вопрос опознали более 80% аудиторов, как раз не подчиняется этой тенденции.

KULLO VENDE (Tallinn)

ON THE ROLE OF INTONATION IN THE RECOGNITION OF QUESTIONS IN ESTONIAN

There exists a wide-spread belief that intonation is the only means of expressing interrogation in sentences where no lexical and/or grammatical means are used for this purpose. On the other hand, it is frequently stated that intonation becomes redundant when interrogation is sufficiently expressed by lexical and/or grammatical means. The latter statement is at least partly contradicted by the evidence from an experiment where 92 informants were asked to specify the sentence type of 48 original questions containing interrogative words, presented to them in written form with changed punctuation marks or without them. On the average the sentences were classed as sure questions in only 55 per cent of the cases. The former statement was checked through a listening test. 45 listeners were asked to categorize as questions or not questions 15 recordings of the question *Tahad?* (Do you want it/to?) where interrogation should be expressed solely by means of intonation. The question was recorded in a quasi-natural conversational context. The average percentage of question responses was 54. The results of the two experiments suggest that neither interrogative words nor intonation are used as the only means of expressing interrogation. Under natural speaking conditions, much of interrogation is obviously expressed by the context and/or situation.